

ДЕНИС ГУЦКО:

Культура. - 2005. - 15-21 сент. - с. 5

Мы все родом из "горячих точек"

Денис ГУЦКО — один из самых известных молодых прозаиков современной России. Постоянный автор журналов "Октябрь", "Знамя" и "Дружба народов", номинант на премию Юрия Казакова, лауреат премии Михаила Шолохова. Денис Гуцко родился в 1969 году в Тбилиси, а сегодня живет в Ростове-на-Дону. Все тяготы национальных конфликтов он познал на собственном опыте, и именно эта тема стала центральной для его рассказов и повестей.

— Денис, расскажите, когда и почему вы занялись литературой?

— В то, что я "буду писателем" (именно так, категорически — писателем), я верил с детства. Эта уверенность появилась у меня, как только я начал плотать книги одну за одной: Толстого вслед за Пушкиным, Хемингуэя вслед за О'Генри... Читал все, что тогда можно было достать в библиотеках и на талоны (помните, их выдавали за макулатуру?). Почему-то я несколько не сомневался, что буду писать. Ни тогда, когда поступил на геолого-географический в РГУ, начитавшись Джека Лондона, ни тогда, когда работал охранником целую вечность, лет десять. Но все откладывал, слишком был занят жизнью. Пробовал, конечно, но получалось не очень. А потом неожиданно начал писать по-настоящему. Первая моя публикация состоялась в региональном приложении к "Литературной газете", которое называлось "ЛГ — Юг России". Рассказ назывался "Прирученный лев" — о человеке, вернувшемся из Чечни.

— Обычно маститые литераторы очень жалеют о том, что взялись за писательство слишком поздно...

— Да, я тоже об этом жалею. Но то чувство житейское, чувство 36-летнего мужчины, желающего больше, чем он имеет. Жалею об упущенном времени. Но в то же время я понимаю, что слово, как яблоко, — оно созревает в человеке ровно тогда, когда приходит его время. Бывают сорта-скороспелки, у них свой вкус. Бывают и вовсе такие, которые набирают сок к первым морозам. Я где-то посередине.

— Почему темой ваших первых произведений стали именно межнациональные конфликты и войны?

— Здесь роль сыграли сугубо лич-

Д. Гуцко

ные обстоятельства. Однажды отец, с которым мы очень редко видимся (родители в разводе), отдал мне тетрадь, в которой записал все то, что ему пришлось пережить в Сухуми во время грузино-абхазской бойни. Наверное, меня укололо чувство вины. Я пересказал все это, и получилась повесть "Апсны Абукег". А потом внимательно посмотрел вокруг, посмотрел в себя, и мне стало очевидно, что мы все родом оттуда, из "горячих точек". Мы граждане руин под названием СНГ, и от этого никуда не денешься. Я такие, какие мы есть, именно потому, что пережили этот Великий Развал. И, по-моему, о нем до сих пор не сказано веско и глубоко. Так нельзя! Если внятно не проговаривать своего прошлого, то и настоящее будет смутным. Все-таки русская цивилизация — это цивилизация слова. Не потому, что у нас, кроме великой литературы, ничего нет, а потому, что эта литература в свои лучшие времена была кровью общества. И проросло все лучшее в России именно оттуда, из умов вчерашних юношей, зачитывавшихся прекрасными книгами.

— Но сегодня военная проза уже настолько не редкость, что некоторые критики даже заговорили о своеобразной моде на Чечню и Кавказ.

— Почему другие выбирают темы "горячих точек"? Думаю, у каждого своя конкретная причина. Вряд ли кто-то пишет об этом, оглядываясь

на массового читателя и думая: а как бы ему потратить? На самом деле это ведь не коммерческая тема. Массовому читателю нужен такой изящный сказочный пиф-паф, где враг повержен, а герой уже расстегивает пуговицы на груди страстной блондинки. Грязь и боль настоящей войны ему по большому счету не интересны. Сегодня общество привыкло к грязи относиться, как к чему-то абстрактному, а боль для большинства людей виртуальна. Но читателя нужно заставить всмотреться в страдание и почувствовать настоящую боль. Как? Талантливым словом. Зачем? А чтобы не орал, заложив за воротник, про "наших парней в Чечне", про "великую страну" и про тех, кого "правильно Сталин выселял". Пока наш гражданин не вкусит правды, ничего нового от него ждать не приходится. Так и будет он поминать добрым словом Иосифа Виссарионовича и отдавать своих детей бесталанным генералам, которые лучше воруют, чем воюют. Пока не примем мы правду, о которой не мне вещать — я лишь как ищейка иду по ее следу, — до тех пор будем ходить по кругу и слушать то про коммунизм, то про удвоение ВВП. А в "горячих точках" правда лежит вывороченная на поверхность, там без нее шага не ступишь.

— Кого из классиков вы считаете своими учителями? Что вас вдохновляет на прозу?

— Учился я у Набокова и Булгакова. Ученичество это заключалось в том, что я тупо прочитывал какой-нибудь кусок в сотый раз и пытался препарировать музыку, которая рождалась на странице: как же, черт побери, они это делают? Чужое совершенство тоже может вдохновлять, хотя пишу я, конечно, не поэтому. Проза рождается во мне помимо моей воли, я без этого не могу. Даже если бы я оказался таким же бесталанным, как наши военные, я все равно бы писал, графоманил бы напропалую.

— А считаете ли вы себя участником современного литературного процесса?

— Я бы с удовольствием им стал, но увы, писать-то приходится урывками по ночам, хлеб насущный дается не просто. Может быть, когда-нибудь, когда карта лучше ляжет...

Беседу вел
Анна МАРТОВИЦКАЯ